

Алексей ЕВТУШЕНКО

ТРЕТЬЯ ТВЕРДЬ

Алексей Евтушенко

Третья Твердь

«Автор»

1996

Евтушенко А. А.

Третья Твердь / А. А. Евтушенко — «Автор», 1996

Книга стихов и песен. Ростов-на-Дону, 1996 г. 1000 экз

© Евтушенко А. А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

ОКЕАН	5
ИСПОВЕДЬ	8
ПЕЧАЛЬНЫЙ ВАЛЬС	9
ХУДОЖНИК	10
ПЕСЕНКА УЛИЧНОГО ХУДОЖНИКА	11
ГОРОД	13
1. УЛИЦА	13
2. МЯСОКОМБИНАТ	14
3. КАРУСЕЛЬ	15
4. ЧЕРТЕЖ	16
1.	16
2.	16
МАСТЕРСКАЯ	19
ПЕСНЯ СТРАННИКА	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Евтушенко

ТРЕТЬЯ ТВЕРДЬ

КНИГА СТИХОВ И ПЕСЕН

ОКЕАН

Но я существую. Во тьме осторожной, в надежде на злое прощенье храню безъязыкое пламя, процесс превращения в живое, настойчивый танец молекул. Ах, дождь, что падет как возмездье за долгое непослушанье! В созвездиях низкое небо со мною в разлуке. Так что же, и ветер – мой друг торопливый и вечный бродяга – утихнет, уляжется между волнами в нежнейшее ложе, и я успокоюсь? Но где нам до неба! Замедленный шепот восходит к поверхности теплой. И если б не солнце, не звезды...

Так бредил Океан. Весь в пене и ветрах.
Причуды облаков и звезды отражая,
Искала берега его вода живая —
Рождение и смерть оставить на песках.
И вольные валы за другом друг бегом
Торопятся вперед, от мощи сатанея.
Дай хоть одну скалу, куда бы биться лбом!
Базальтовую твердь, чтобы сразиться с нею...

О, если б не солнце, не звезды, не грозы, что враз разрывают на клочья пугливые волны! Они бы исчезли напрасно – мои непутевые дети, частички густеющей пены. Еще бы не страшно – разбиться о скалы! Подальше ползите, вставляйте, шатаясь, и в жадности нетерпеливой, схвативши зубами собрата, простите отныне и присно. За воздух и тяжесть. За солнце и звезды, и грозы простите.

Но я существую.

Так бредил Океан,
приподымая дно.
Долины гулкие
и молодые горы
вздыхались из воды...
Нет, зацветут не скоро
печальные цветы
моей земли родной.
На мелководье дня
из темной глубины —
в прибой. И с грохотом
на берег окаянный.
Прислушайся к речам ночного Океана,
и наши имена в них прозвучать должны.
Мы вместе были там
в один и тот же век.

Я помню вонь болот
и знаю сны растений.
И силуэт врага,
и гибель поколений.
И первый сиплый крик,
и первый тяжкий бег

Но я существую. Прощайте навеки, мои осторожные сестры – деревья и звери, и птицы. Мы вместе терпели когда-то. Теперь же громадное небо над нами повисло, качается – глыба. Сейчас упадет. Для спасенья ни песен, ни крови не жалко. Хватило бы сил, и дорога была бы достаточно длинной, и гибель достаточно скорой.

Мне трудно в бумажном обличье двуногого глупого брата вершить приговор ненавистный.

За слабость меня полюбите и рвите на части за силу.

Так бредил я, когда владыка-Океан
Встревожено бродил по эластичным венам,
Так я стоял один – спокойный великан,
Веселый сын Земли, в дубравах по колено.
Мне некуда ступить, – вот город, вот село,
Вот озеро в лесу, вот поле с урожаем...
Стоял как памятник. Прозрачный как стекло.
И ветры всех степей мне сердце остужали.

Печалится прибой, ласкает берега.
И утихает бред. И остывает сердце,
Не суетливый бог меня оберегал,
Когда я к цели шел сквозь пекло и снега,
А строгие глаза моих единоверцев.

В серокрылой печали твоих неулыбчивых глаз,
В одиноком огне искушенных Любоями губ
Отражается август-бродяга, и кто-то из нас
Неуверенно ждет, потому что любим, но не люб.
Кто поверит, что сосны стартуют в тревожный зенит?

Кто поверит, что сосны стартуют в тревожный зенит,
Выдирая корявые корни с тоской из песка
Там, где чья-то струна в безнадежной отваге звенит,
И гниющее море отравлено плещет у скал.

И дельфины на берег бросаются, словно на дот.

И дельфины на берег бросаются, словно на дот,
Умирая достойно, но все же о море скорбя.
За обещанной вещью построится завтра народ,
А рентгены сегодня ему лейкоциты дробят.

Что ж ты плачешь, любимая, словно я маленький бог?

Что ж ты плачешь, любимая, словно я маленький бог?
Ты, наверное, снова партнера сменила себе.
Злые стрелы Эроса летят в окровавленный бок.
Не достали до сердца... Что ж, лагуна будет в судьбе.

И красивая мать постареет на девичий век.

И красивая мать постареет на девичий век.
Будет нянчить ребенка и внуком его называть...
Я-то знаю, в кого вырастает потом человек —
Обучают умеющих плакать отлично стрелять.

Не в мишень на стене, так в собрата на сотню шагов.

Не в мишень на стене, так в собрата на сотню шагов,
В нищете оставляя неверных измотанных жен...
Я не вижу на плоской земле ни друзей, ни врагов,
Хоть до малой дождинки окружающий мир отражен
В серокрылой печали твоих неулыбчивых глаз.

ИСПОВЕДЬ

Когда в покинутый мой дом
ворвется мокрый листопад,
уснуть с гитарою вдвоем
последним сном я буду рад.
Я, неуживчивый с любой
и неуступчивый с любым,
кто нес, как тяжкий крест, любовь
под небом ярко-голубым.
Бродяга, грешник и поэт,
умевший в жизни лишь одно —
любить друзей прошедших лет.
Еще – хорошее вино.
Еще, конечно, ровно три
я знал аккорда наизусть
и в пекло утренней зари
швырял тоску свою и грусть.
Когда ж под вечер уставал
от беготни, от суеты,
гитару нежно в руки брал
и пел про поздние цветы.
Я пел во мраке и во зле
про женщин, осень и печаль...
И если б снова жизнь начать,
я стал бы кленом на земле.
Чтоб корни жадно грызли грунт,
и крона небо берегла,
и чтоб с ветвей, как с верных струн,
сорваться кривда не смогла;
и в час, когда умрет мой друг,
охапку огненной листвы
швырнуть, как яростный испуг,
в дом, полный тесной пустоты.
Когда в покинутый мой дом
ворвется мокрый листопад...

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Третий день тепло, третий день тепло,
осень юная постучит в стекло,
не спеша войдет в нашу комнату...
С кем здесь, милая, не знакома ты?
Вот поэт сидит – он в тебя влюблен.
Вот художник спит – он вином пленен.
Вот мой сын гремит погремушкой.
Вот и я с женой, как с подружкой.
Проходи, садись, будь сыта-пьяна,
мы тебе нальем зелена вина.
Вместе с нами пей. Вместе с нами пой.
Где еще ты сыщешь покой?
Как прикованы у стола сидим,
хоть никто из нас нынче не судим —
голь веселая, перекатная...
Боль душевная, предзакатная.
Мы одной судьбой крепко связаны
и Любовями, и рассказами,
и безвременьем, и безденежьем, —
лишь гитару мы держим бережно.
Нам позволено разговаривать.
На востоке вновь тлеет зарево —
то ли солнышко, то ли кровушка...
Не боли наутро, головушка!
Так и вертится шар наш крошечный, —
судьбы – вдребезги, люди – в крошево.
А художник спит: "Красота спасет...",
а поэт хрипит: "Пронесет..."
Помоги же нам, осень теплая, —
полпути уже мы протопали.
Седина в кудрях и в глазах печаль...
В чашке медленно стынет чай.

ХУДОЖНИК

С. Тимофееву

Он просит карандаш и плотный лист бумаги
И, не найдя в душе протеста и причин,
Бросается в огонь фантазии с отвагой,
С которой Страшный Суд пробудят трубачи.

Наверное, и Бог был музыкантом добрым, —
Он долго обучал владению трубой
Отборных лабухов. Он вдалбливал подробно
Как "зорю" им играть, "атаку" и отбой.
Подъем! Подъем! Подъем! Но это все потом.

А нынче – кровь чернил и ватман белый-белый,
Оберточная рвань, фломастер, как цветок,
Засохший от любви в стакане с "Изабеллой",
Нахальный нервный штрих и солнечный мазок.
И мы уже вошли в закрашенное место
На плоскости листа, на зеркале холста...
Как нам просторно тут! Как персонажам тесно...
Но выключен огонь. И комната пуста.

Ах, шестистопный ямб! Он мне еще позволит
И ближних возлюбить, и недругам воздать.
Восходит жуть в душе, – так в небо мезозоя
Вползает медленно сверхновая звезда.

Восторженная жуть... Природа созерцанья
Отныне такова, что трудно разобрать:
Где кружка на столе, где камень мирозданья,
Но он талантлив – мой коллега, друг, собрат.
Повесьте свой топор в прокуренном подвале, —
Там светится в углу оконченная явь.
Вы, жители вещей, когда-нибудь видали
Как Лету в октябре преодолевают вплавь?
Я предано хожу на службу ежегодно —
Жену поцеловать и втиснуться в трамвай...
Стоит, как часовой, дождливая погода.
Покрикивает век: "Давай! Давай! Давай!"

ПЕСЕНКА УЛИЧНОГО ХУДОЖНИКА

С. Тимофееву

Потрепанный этюдник,
в нахальстве не откажешь.
Приобретайте, люди,
портреты и пейзажи!
Карандашом и маслом,
пастелью и гуашью,
чтоб никогда не гасли
надежды в душах ваших!
Я продаю, я продаю,
я продаю себя.
Не предаю, не предаю
друзей из-за рубля.
Купите же, купите же
мои больные сны.
Не выдержать, не выдержать,
не выжить до весны!
Изобразу достойно ваш облик безупречный.
Позируйте спокойно —
у нас в запасе вечность!
А пять рублей – не деньги.
И сто рублей – не сумма.
А чтоб любви избегнуть,
достаточно быть умным.
Алкаш и вор, и шлюха —
мои ночные гости.
Из этой жизни – шухер!
Покуда целы кости.
Подвал мой отсыревший
плывет как барк "Товарищ"
по временам нездешним
сквозь дым и гарь пожарищ.

ГОРОД

1. УЛИЦА

Я падал, как медленный сгусток оваций,
Как лист одинокий, сорвавшийся в темень.
Себе разрешая любить и смеяться,
Пока тень моя колыхалась меж теми,
Кто знал наизусть построенье обмана,
Приметы эпохи и рифмы столетья...
Друг-ветер хлестал семихвостую плетью
По лицам, привыкшим к подушкам дивана.
Друг-ветер бесился вдоль улицы узкой
И рвался наружу из города слабых.
Но улица не понимала по-русски.
Под ноги подвертывались ухабы.
И каменный дом, весь в декоре барокко,
Вставал на пути, загораживал выход,
Из окон аккорды тяжелого рока
Летели мне в голову, били под-дых, и
Цветы в палисадниках ярко шумели,
И женщина в платье, измятом как воздух,
С глазами Кассандры, с фигурой Рашели
Швыряла мне вслед оскорбленья и звезды.
Я падал. Я падал все дальше и ниже,
Но тень потянулась вослед неохотно,
И ветер меня поддержал, и я выжил
Среди торопливой прощальной охоты.
И долго глядел, обернувшись неловко,
На улицу, полную дыма и листьев,
Как будто в прицел дальнобойной винтовки,
Сквозь призму прозрачную призрачных истин.

2. МЯСОКОМБИНАТ

Все пути отрезаны. Назад
Не вернуться. Выход замурован.
Где-то – поле, тополь и звезда,
На поляне – белая корова,
Тишина и запах сонных трав...
...Вой сирен и вонь гнилого мяса.
Остро точит лезвия и лясы
Цех разделки туш, вещей и прав.
Слепо тычусь в тесный коридор —
Пять ступеней, ванна для засола,
Ржавый кран и за спиною соло
Двух петель дверных. Свинья в упор
На крюке скользит под потолком,
Колбаса – копченая на запах.
Лужа крови, липок пот от страха,
Я бегу, с дорогой не знаком, —
Кафель, стены, жирный пол, бетон.
Боком, пригибаясь и на ощупь.
А снаружи – облако и роща,
Свежий ветер. Свет. Лицо. Бутон.
Тут гуляет просто так сквозняк
В холодильных камерах, подвалах.
Крикнул – эхо гулко хохотало,
И Харон выпрашивал пятак.
И уже поэт, а не мясник
Рядом шел, на посох опираясь,
И уже мой мертвый друг возник,
Тщетно слово вымолвить пытаюсь...
Грузовик продторговский ревел,
Цербер лаял, каркали вороны,
И вахтер с ухмылкой глядел
Как шофер ругается с Хароном.

3. КАРУСЕЛЬ

Девочка внизу бежала,
Крепко ниточку держала,
Я за ниточку привязан
Был, как шарик надувной.
И глядел веселым глазом
На припрыжки и проказы
И на дождик проливной.
Распирали смех и смелость.
Карусель внизу вертелась.
Я парил под облаками
И покрикивал на птиц.
И покачивал боками,
И размахивал руками
В свете молний и зарниц.
А луна всю светила,
Солнце жаркое всходило,
Падал снег на сосны-ели,
И раскрашен был шатер
Для забавы и веселья.
Мы успели еле-еле
В край лесов, степей и гор.
То-то дело было, братцы!
Разрешали нам смеяться,
Жечь костер, сушить ботинки,
Снегирей кормить из рук.
Принесли с едой корзинки,
И расселись мы в низинке —
Дружка с дружкой, с другом — друг.
Праздник с привкусом разлуки,
Издает оркестр звуки,
И "Прощание славянки"
Над поляною гремит.
И течет в стакан сливянка,
И пищит в ушах морзянка,
И окно в ночи горит.

4. ЧЕРТЕЖ

И.Бурешину

1.

Я время поспешно сжимаю, как мячик.
Мне нужен объем не прозрачный – зеркальный.
Там вмиг отразятся деревья и скалы,
И море; и город вдали замаячит.
Когда же реальность предмета и тени
Достигнет приемлемой взору свободы,
Я мордой уткнусь, как в решетку – в природу
И прутья раздвину железных растений.
И выйду на трассу, ведущую в город,
Собью себе ноги, сдеру с себя краску
И воздух окраин вдохну без опаски —
Коктейль ядовитый – он очень мне дорог.
Узрев беспричинность полночной печали,
И, выбрав единственный путь и возможность,
Я буду – увы – проявлять осторожность
С начальством на службе, с друзьями в подвале.
И в тесном скоплении труб и колодцев,
Бетонных ступеней, стеклянных пробоин
Я буду не ласки – любви удостоен
Прекраснейших дам и страшнейших уродцев.
Но стоит мне выпустить время на ветер,
Как небо границы свои обнаружит,
И я уже буду двоиться снаружи —
За всякую боль и разлуку в ответе.

2.

Попробуй, придумай пространство,
Где дворик размером с ладошку,
Единственное окошко
Следит с идиотским упрямством
За трепетом пыли и снега
И звоном листвы на каштане;
Девчонкой по имени Таня,
Звездой по имени Вега.
Где стены домов – не преграда,
Для крика, игры и полета,
Где часто влюбляется кто-то
И ходит с неопытным взглядом.
Попробуй, придумай, исполни
Трех бед и веков наложенье,

Свечи одинокой движенье
И звуки гитары подпольной.
Весь город от крыш до подвалов,
Систему таких отношений,
Что только святых искушенье
Нам силы б для песен давало.
Не можешь? А ветер не терпит, —
Он треплет бетонные тверди,
Под музыку Глинки и Верди
Медведи танцуют и вепри
На той земляничной поляне,
Где ты в ошарашенном детстве
Заметил, что некуда деться
От города в терпком тумане.
И с лесом простился, как с другом.
Надолго, быть может – навеки.
Смыкались торжественно ветки,
И сны приходили с испугом
В подвал, к твоему изголовью.
В кружок становились, глядели
На сонную душу и тело...
И медленно ночка летела
Вдоль влажной и жесткой постели.
Ты хочешь придумать. Попробуй.
Ты честно учился черчению.
Луч света и черные тени,
Любовь, что, конечно, до гроба
Продлится среди грузных развалин
И между похожих строителей.
Сирену, сирень, чей-то выстрел
и то, что мы домом назвали.
А после сбежали беспечно
В иные столетия и страны.
Вели себя нагло и странно,
И грелись у каменной печки,
И воду черпали из кадки,
Хватали ножи и простуды;
Кричали: "Я больше не буду!"
Но плакали редко. Украдкой.
Придумай. На твердой бумаге
Захлопни и двери, и окна.
И пусть я уныло промокну
Подобно голодной собаке
В дожде, что посеян тобою
У входа в подъезд-преисподню.

– Простите, я иногородний.
Где здесь продаются гобои?

МАСТЕРСКАЯ

В подвале, где ночью достаточно слов для работы,
А утром заботы дневные теряют значение.
Где мягкие губы мне шепчут: "Ну что ты, ну что ты...",
А верные руки приносят мне чай и печенье.
Где вина не льются, а рвутся по сорванным нервам
Навстречу сигналам оттуда, из внешнего мира.
Где я потягаюсь в таланте и с юным, и с первым —
Заставить рыдать под руками дырявую лиру.
Здесь пахнет проклятой, родимой сырою землею,
И черные тени ложатся на мятые лица.
И я здесь, конечно, постыдные строки не смою
Ни кровью, ни водкой. И жизнь бесконечно продлится.
Так тянется жизнь, что уже и начала не видно,
А все середина, все стены глухие подвала.
Скажи мне, дружище, тебе не бывает обидно
За то, что надежда на Господа Бога пропала?
Четыре ступени и дверь с поржавевшей пружиной, —
Рвани на себя и наверное выйдешь наружу
Мальчишкой, поэтом, а, может быть, просто мужчиной,
Которому нужно пройти эту смерть, эту стужу.
Которому нужно вернуться. Четыре ступени.
И дверь салютует, и руки, и губы навстречу.
И ночь начинается. Чайник осип от волненья.
Зачеркнуты строки. Но время и это залечит.

ПЕСНЯ СТРАННИКА

Господь, помоги не узнать это низкое небо,
Коснись эбонитовой палочкой дряхлого сердца,
Когда у людей попрошу я ночлега и хлеба
С дырявой душой и с усталым лицом иноверца.
Столетия сомкнулись в единственной точке пространства,
И снова придется припомнить все старые рифмы.
В земле бы сырой полежать, отдохнуть бы от странствий,
А дома иные допишут легенды и мифы.
Я помню, как степи растили деревья и травы,
Я знаю, что море и лес разговором похожи,
Мне скажут: "Горбатого только могила исправит",
Но в песне ни строчки могила исправить не сможет.
Мы долго пребудем на хрупкой красивой планете,
Как поздние гости за чаем на маленькой кухне,
Покуда врывается в окна отравленный ветер,
Покуда последняя пуля в стволе не протухнет.
Хватало и хлеба, и слова на всех понемногу,
И каждый себе выбирал по плечу и по вкусу
Дорогу и женщину, друга, работу и Бога,
И кто-то был храбр, а кто-то отпраздновал труса.
Костлявая спутница жизни в наряде невесты
Подаст на пиру мне цикуту в серебряной чаше.
Я встану со стула, я крикну старухе: "На место!"
И выпью за наших. И медленно выпью за наших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.